

Павел СТАРЦЕВ

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Воображля номер пять*

Гошкин дедушка уехал в Москву. На ВДНХ. Потому что добросовестно трудился и был передовиком колхозного производства. Правда, семилетний Гошка не совсем понимал, что такое передовик производства. Но когда взрослые говорили об этом меж собой, он сделал вывод, что его дедушка был впереди, на виду у людей, и неплохо мастерил это загадочное производство. Гошка очень любил дедушку. И никогда не сомневался, что и тот любит его очень-очень. И потому, пока дедушка ездил в далекую-предалекую Москву, внук скучал по нему и каждое утро задавал бабушке один и тот же вопрос: скоро ли из Москвы приедет тятя**.

Бабушка ласково обнимала его и успокаивала: приедет скоро и обязательно привезет ему, Гошке, гостинцы. Про гостинцы она напрасно напоминала, Гошка и без нее знал, что тятя с пустыми руками не вернется. Он всегда, когда уезжал куда-нибудь, привозил Гошке петушка на палочке, или конфетки «в

подушечку». А летом с работы приносил то медунки***, то пучки**** сочные, то ягоды вкусные. Каким бы уставшим ни приходил дедушка, он обязательно брал Гошку на руки и щекотал его шею своей колючей щетиной. Внук визжал от восторга, в такие минуты он был безмятежно счастлив, обнимал деда и шептал ему на ухо:

– Тятя, ты такой хороший, ты лучше всех!

Бабушка иногда притворно обиженным голосом упрекала:

– Я его обихаживаю, а он только деда своего любит.

И вот наконец дедушка возвратился из поездки. Гошка с бабушкой в это время были на огороде. Пропалывали и окучивали картошку. Вернее – это делала бабушка, а внук ползал по земле с обломком кирпича, изображая работу на тракторе.

– Гошенька, смотри, кто приехал-то! – воскликнула бабушка, увидевшая деда первой.

Гошка, вскочив с земли, обомлевший от радости, бросился к деду с криком:

Старцев Павел Ефимович родился в 1945 году в селе Пильно Алтайского края. Там окончил среднюю школу, служил в рядах Советской Армии, работал заведующим сельским клубом. В 1974 году окончил Бийский государственный педагогический институт по специальности «русский язык и литература». Прошел трудовой путь от пионервожатого, учителя, директора школы до заведующего отделом народного образования Красногорского райисполкома. Находился на партийной работе, был директором совхоза. Почетный работник общего образования Российской Федерации. Лауреат премии губернатора Алтайского края имени С.П. Титова 2012 года в номинации «Просветительская работа в области литературы и искусства, истории и культуры Алтая; краеведение и музееведение».

– Тятя, тятя приехал из Москвы!

И столько радости и ликования было в глазах внука, что у дедушки, подхватившего его на руки, запершило в горле, и он сиплым голосом проговорил:

– Гоша, внучек мой дорогой!

В доме дедушка снял с плеч холщовую сумку, сшитую бабушкой для поездки в Москву. Гошка стоял рядом, напряженно-выжидательно глядя на сумку. Там были гостинцы. Сверху лежал бумажный пакетик. В нем оказалось несколько леденцов на палочках, изображавших птиц и зверушек. Зайчика и петушка Гошка сразу узнал, а вот зверушку с двумя хвостиками – спереди и сзади – впервые видел. Дедушка пояснил, что это слон. Еще в пакетике был медведь. Гошка все леденцы поочередно облизал, они были необыкновенно вкусны. Глаза светились восторгом. Затем из сумки была извлечена коробка с конфетами-карамельками, завернутыми в разноцветные бумажки. Бабушка уговорила внука, что эту коробочку со сладостями она приберет для него же. А на сегодня и леденцов хватит. Пока шли переговоры о конфетах, из сумки появились рубашка и шортики. При виде их Гошка замер, даже дышать перестал. Особенно красивой была рубашка: в зеленую и желтую клеточку, с синими и белыми полосочками, с воротничком, застегнутым на три зелененьких перламутровых пуговички. Даже бабушка залюбовалась рубашкой, такую красоту впервые видела. Рубахи в деревне шили сами – даже для взрослых, не то что для детей. Внук хотел обновки сразу же надеть, но бабушка заставила его сначала умыться и ноги помыть тоже. И вот счастливый Гошка, принаряженный и несколько смущенный, стоит перед самыми дорогами ему

людьми, восторженно оглядывающимися его со всех сторон. Но и это было еще не всё. Из волшебного мешка извлечены были сандалики. Ярко-красные, сверкающие лаком!

Заставили Гошку поплясать в обновке. Он, счастливый безмерно, затопал ножонками, прихлопывая в такт ладошками. А дед в завершение всего извлек из торбы дудочку с маленькими отверстиями на ней – свирельку. Свирелька была игрушечной, но издавала разные по высоте громкие звуки.

Дедушка начал рассказывать о поездке, о Москве, о выставке, Бабушка с интересом слушала, переспрашивала и одновременно собирала на стол. Гошка, возбужденный приездом дедушки и подарками, не мог найти себе места.. Он прыгал перед дедушкой, дудел в свирельку, радовался обновкам. За столом беспрестанно вертелся, в нетерпении елозил на стуле. Не до еды ему было.

– Можно я играть пойду? – вопросительно посмотрел он на бабушку.

– Ну, иди, похвастайся перед друзьями, – с пониманием разрешила та. – Да поаккуратнее с обновками-то, не испачкай.

По деревне бродило лето, нежилось в тени деревьев и домов, выстилало улицу жаркими лучами, от чего пыль на дороге была горячей. Гошка издали по звонким голосам и громкому смеху определил, где друзья.

Сражение было в самом разгаре. Бомбы – начиненные дорожной пылью лопухи – беспрерывно взлетали над головами мальчишек и «взрывались», пыль сплошной завесой висела в воздухе. При появлении Гошки военные действия прекратились. Компания с любопытством уставилась на дружка

– чистенького и разнаряженного. От такого внимания Гошка сначала растерялся, но, справившись с волнением, подошёл к ребятам.

– А у нас тятя из Москвы вернулся, – с гордостью сообщил он. – Привез мне конфеток много. Обновки купил. И свистульку, – перечислял Гошка. И для убедительности заиграл на свирельке. Ребята обступили его со всех сторон. Стали просить посвистеть на дудочке. Но Гошке не хотелось делиться игрушкой. Он крепко прижал ее к груди. И это стало его непростительной ошибкой.

– Очень надо, – процедил презрительно Генка, признанный вожак компании пацанов.

– Подумаешь, свистелкой расхвастался, я могу получше вырезать, если захочу, – с издёвкой сказал Вовка.

– Смотрите-ка, вырядился. Хватать прибежал, – раздались крики.

– Вображуля номер пять, – показал насмешливо на Гошку пальцем его закадычный дружок Серёжка.

– Вображуля номер пять! Вображуля номер пять! – разом подхватили вокруг.

Гошка растерянно оглядывался во все стороны, пытаясь поймать хоть один сочувствующий взгляд. Но вокруг слышалось лишь обидное:

– Вображуля номер пять! Вображуля номер пять!

Больше остальных, как показалось Гошке, кривлялся и громче всех кричал обидную дразнилку Серёжка. На него-то и бросился в ярости, со слезами на глазах Гошка. Серёжка от неожиданности упал на землю. Гошка сначала оседлал обидчика, но потом драчуны, валтузя друг друга, покатались по дорожной пыли. Пацаны в восторге от случившейся драки кричали на всю

улицу. На шум из соседней ограды вышла тётя Груня.

– Ах вы, варнаки такие, выделки огуречные. Вы что, деретесь, что ли? Я вот сейчас прутом всех отстегаю, драчунов петушиных.

Вмиг вся ватага мальчишек разбежалась в разные стороны. На дороге остались сидеть плачущие Гошка и Серёжка. С ног до головы в пыли, с размазанными по лицу слезами. Чуть в стороне валялась сломанная пополам свирелька. Гошка, всхлипывая, подобрал её, поднялся и, плача от обиды, пошagal домой, горестно отряхивая пыль с новой рубашки и шортиков. Серёжка, тоже в слезах, пошёл в другую сторону.

Тётя Груня, глядя на них, сокрушённо приговаривала:

– Вот выделки огуречные, чего не поделили? Драку сочинили! Дома-то вас за это по голове не погладят.

И добавила для большей убедительности:

– Выделки огуречные!

* Детская дразнилка, в свое время распространенная в южных районах Сибири. О том, кто «воображает», задается, слишком много мнит о себе.

** Тятя (уст. и обл.) – отец. У Гошки не было родителей и дедушку он называл тятей.

*** Медунка (прост.) – медуница, цветок.

**** Пучка (обл.) – полый съедобный стебель некоторых дикорастущих зонтичных растений.

Парашютист

Начало сентября. Уже вторую неделю ходим в школу. После затяжных дождей установилась жаркая солнечная погода. Кругом зелено, об осени почти ничего не напоминает. Так, кое-где на берегах

появились желтые листочки, но они почти заметны в густой зелени крон. Пожалуй, только огороды своей черной пустотой после уборки картофеля портят иллюзию лета.

Если откровенно, в такие дни ходить в школу не хочется. Есть дела поважнее. Надо успеть до холодов навестить любимые места: водопад, другие потаенные уголки по речке, где и клев был удачным, и рыба ловилась отменная; пока вода еще не холодная по протоке Бии, – успеть еще разок покататься на салике*, спрятанном в прибрежных кустах; еще надо было сбегать за два километра на устье речонки-ручейка Елейки, посмотреть, не появились ли под камнями усаны, – рыбки, похожие на маленьких налимов. Еще не была закончена военная игра с пацанами с «того края» деревни, – вчера, уже потемну, заключили перемирие, а сегодня предстоит генеральное сражение; надо успеть приготовить оружие (полые дудки из полувысохших растений), подобрать под отверстие дудок «пули» (нужного размера недозревшую ягоду калины, в большом количестве произрастающую в окрестностях деревни). Удачно подобранные пули-ягоды летят при выдохе в дудку очень далеко. Если набрать в рот побольше ягод, то «стрельба» получается, как из автомата, – очередями. Предстоящее сражение с утра возбуждало Гошку. Самые разные ситуации развития боевых действий возникали в его голове. И в каждой из них он, естественно, оказывался победителем.

С утра пораньше Гошка сбегал на болотце за деревней, где, по его убеждению, можно было найти подходящие дудки. Долго выбирал самые лучшие. Одну для предстоящих боевых действий и две про запас. Там же нарвал полные карманы

ягод калины. Да не какой абы, а в самый раз соответствующей «каллибру» его оружия. Часа три ушло на подготовку к боевым действиям.

Настроение Гошки было бы вообще замечательным, кабы не задача по арифметике, которую надо было решить к сегодняшнему уроку. Занимался в школе он во вторую смену, с двух часов. А время уже подходило к двенадцати. Гошка два раза садился за эту дурацкую задачку с какими-то емкостями, из которых перетекала вода. Вместо вычислительных действий ему на ум приходили совсем не арифметические мысли. «Вылить бы эту воду из емкостей, и все дела», – думалось ему. И еще приходило в голову: «А вдруг училка в школу не придет. Ну, там заболела, или что еще». Раза три он прикладывал руку к своему лбу – не заболел ли сам? Как назло, лоб никаких признаков температуры не выдавал. Присев в очередной раз за решение задачи, Гошка окончательно убедился, что не избежать ему двойки в дневнике. Под его маленьким сердцем накапливалось неприятное предчувствие: училка опять будет выговаривать, что он беспросветный лодырь, что лень родилась раньше его, Гошки, что надо сообщить о его легкомысленном отношении к учебе дедушке и бабушке. Такие невеселые мысли роились в голове мальчишки, мешая радоваться солнечному теплomu дню.

От мрачных размышлений Гошку отвлек свист за окном и крики:

– Гошка, Гошка, ты дома?

Гошка, как мячик, подскочил с табуретки. Он сразу по голосам понял, кто его зовет. Сережка и Вовка – закадычные друзья его. Они учились во втором классе в первую смену и уже пришли из школы. Выбежав из дома, Гошка

увидел друзей, стоящих за оградой. Во двор они предусмотрительно не заходили, помня недавнее ворчание бабушки, что отвлекают его, Гошку, от учебы. Они не знали, что бабушка ушла в сельмаг за мылом. Гошка, радуясь встрече, подбежал к приятелям и увидел, что они пришли с зонтиком. И сразу понял, зачем зонтик. На прошлых выходных в деревню приезжала кинопередвижка. Показывали кино про Тарапуньку и Штепселя. Вот это было кино! Смеялись до коликов над тем, что артисты вытворяли. А когда Штепсель сиганул с какой-то высоченной башни на зонтике, все пацаны обалдели. Несколько дней только и разговоров было об этом эпизоде.

– Вот если бы у меня был зонтик, – сказал после кино Гошка своим друзьям, – я бы тоже с любой высоты сумел прыгнуть и не испугался бы!

И вот он – зонтик! Оказалось, что у сержкиной мамы, учительницы старших классов, как раз есть зонтик. Вот Сержка и принес его, пока мать в школе.

Далее разговор был короткий:

– Смотри, как держит здорово, – залез на забор Сержка и спрыгнул на землю.

– Я тоже прыгал с забора, – подтвердил Вовка.

Друзья выжидательно смотрели на Гошку. Они были уверены, что он сейчас покажет такое...

Гошка и сам знал, что сейчас придумает какой-нибудь подвиг. Он взял зонтик в руки и попрыгал с ним на месте. Да, зонтик как будто и вправду хорошо поддерживает. Не будут же в кино показывать что попало. Он огляделся вокруг. Откуда бы прыгнуть, чтобы друзья рты от зависти пораскрывали. Гошка

знал, что он храбрее их в пять раз. А может, и в шесть!

Если залезть на высоченную березину, стоящую в ограде, прыгнуть помешают ветки. Лучше и выше, чем с крыши дома, ничего не придумаешь. Друзья, напряженно наблюдающие за Гошкой, сразу поняли его замысел, и с восхищением глядели на храбреца. А тот уверенной походкой уже подходил к лестнице, прислоненной к дому. Сложив зонтик, не спеша, и даже подчеркнуто медленно, но с достоинством, смельчак забрался на крышу, а затем на самое высокое место – на конек. Встал. Взглянув на землю, ощутил легкий холодок страха, но отступить было поздно. Праздновать труса он себе не позволяет. Гошка раскрыл зонтик. Легкий ветерок чуть было не опрокинул его. Но Гошка сумел удержать зонтик в нужном положении. Всё готово к прыжку. Слава, а Гошка в ней не сомневался, ждет его внизу, на земле. Друзья стояли, запрокинув головы, и в напряжении ожидали прыжка. Гошка хотел крикнуть им что-нибудь насмешливое, но горло сжал спазм. И чтобы окончательно не передумать и не оконфузиться перед друзьями, Гошка крепко закрыл глаза и прыгнул. Зонтик сначала неловко дернулся в его руках, затем сложился наизнанку, и Гошка в свободном полете плюхнулся на землю. В возбуждении он сразу же вскочил на ноги, но от внезапной боли упал на землю.

Дальше, как во сне, были слезы и крик от боли в ноге. Появившаяся бабушка сначала ничего не могла понять, а когда услышала от Вовки и Сержки о «подвиге» внука, сама разревелась. Взяла его на руки, занесла в дом. Нога начала опухать, боль не проходила. Гошка стонал, слезы текли по щекам, он их утирал

кулачками. Но неожиданно для бабушки и его перепуганных друзей явственно произнёс:

– Мама стара**, я в школу сегодня не пойду.

– Какая школа, – запричитала бабушка. – Надо срочно в больницу (так она называла деревенский медпункт), нога-то вон как опухла, наверно, перелом.

Она не могла знать, что Гошка в это время думал о нерешенной задачке про емкости и воду в них. Ему даже немного легче стало от мысли, что он не получит сегодня по арифметике двойку.

Позже Гошку осмотрел фельдшер, установил, что нога цела, если не считать вывиха сустава и растяжения связок. Две недели в гипсе пролежал неудачливый парашютист дома. Потом дедушка привез Гошку на телеге в школу. Там уже о его «подвиге» знали не только все ученики младших классов, но и старшеклассники. На переменах в классе было не протолкнуться, – приходили посмотреть на парашютиста. Так и говорили:

– Где тут у вас парашютист?

Гошке было одновременно и неловко от такого внимания, и в то же время его распирала гордость за свой подвиг. Именно подвиг. Иначе Гошка и не думал!

* Салик – (местн.) два скрепленных скобами или связанных бревна, на которых с шестом можно было плавать по тихой протоке Бии, как на плоту.

** Мама стара (уст.) – бабушка.

Почём Тарзан?

С наступлением весеннего тепла и до зимних холодов дважды в месяц (иногда реже; в иные месяцы, по осени особенно, чаще) в деревню наезжала кинопередвижка. Точ-

нее, приезжал на конных дрожках с аппаратурой и бензиновым движком киномеханик Альгис, которого все уважительно называли Аликом. Столь нечастое его появление объяснялось просто: кинопередвижка обслуживала несколько деревень по графику. Расписание не было обязательным, поэтому и показ фильмов зависел во многом от настроения и куража Алика. Об очередном приезде передвижки взрослые пацаны каким-то образом узнавали заранее, поэтому ближе к вечеру в этот день у клуба уже толпилась ребятня. Завидя дрожки, они издали в радостном возбуждении кричали:

– Ура! Кино приехало! Кино приехало!

Ребятня окружала кольцом аликову повозку и тарасила глаза на киномеханика и его аппаратуру, как на неземное чудо. В глазах – восхищение, радость ожидания чего-то необыкновенного, готовность помочь хоть чем-нибудь прибывшему волшебнику. Те из толпы, что постарше, солидно здоровались с Аликом за руку, помогали ему снять с дрожек тяжёлый движок-генератор, перетаскивали киноаппаратуру в клуб. Кто-то предлагал определить лошадь на постой. Такие счастливицы смотрели потом кино бесплатно.

«Мелкоте» оставалось только наблюдать за происходящим да завидовать. От движка-генератора протягивался кабель, Алик присоединял его к установленной киноаппаратуре, в зале вывешивался экран, наступал ответственный момент апробации установки. Бензиновый движок нередко барахлил, подолгу не заводился. Алик чертыхался, что-то подкручивал, регулировал, и всё это под неотступное молчаливое внимание ребятни. В конце концов движок заводился, из

выхлопной трубы его поначалу клубами выбрасывались сизые газы, но по мере прогрева движок начинал работать ровно и покорно. Алик включал аппарат, яркий луч проектора обозначал рамку на экране. Проверка готовности заканчивалась. Глушился двигатель, Алик наказывал одному из добровольных помощников присмотреть, чтобы к движку никто не вздумал лезть и уходил к своим знакомым. Наступало время ожидания «картины». Одни, у которых имелись деньги на билет, ждали с радостным предвкушением, другие, безденежные, с лихорадочными надеждами на чудо: вдруг удастся проникнуть в зал.

Гошка в чудеса не верил. Когда «приезжало» кино, все его детские мысли сосредотачивались на осуществлении заветного желания – посмотреть «картину». Гошка в такие дни был сам не свой. Он готов был на любой поступок лишь бы проникнуть в кинозал. Первой подвергалась его натиску, конечно же, бабушка

– Мама-стара, дай яичко на кино.

Следовал категорический отказ, обоснованный отсутствием этого самого куриного яичка и напоминанием, что куры не успевают нести яйца, так как он, Гошка, и его младшие сёстры и брат, их съедают. Приходилось применять испытанное средство – слёзы с причитаниями:

– Ага, все пацаны пойдут «картину» смотреть. Им дадут денег, а ты даже одно яичко мне жалеешь.

Здесь следует пояснить причинно-следственную связь между кино и обыкновённым куриным яйцом. А связь была самой непосредственной. Колхоз, в котором трудились все взрослые члены семьи, рассчитывался с колхозниками в основном натуроплатой, то есть

раз в год зерном пшеницы, а чаще рожью, в соответствии с количеством заработанных трудодней. Наличие хлеба определяло достаток и благополучие. Какую-то долю денег на трудодни стали выдавать позже, с середины пятидесятых годов. Исключением была сельская интеллигенция, получающая ежемесячно денежное жалованье.

Поэтому удовольствие посмотреть кино было далеко не каждому по карману – бесплатно. Алик не пропустит. Вот яйцо-то куриное и выручало. В кооперативном сельмаге яйца принимали за деньги. Если сдать два, как раз на билет в кино хватало. Но разве бабушка даст целых два? Ни за что! А вот если выпросить одно, обналечить его, перед кино скооперироваться со взрослым пацаном на билет, то в толкучке очереди, пользуясь темнотой (вечером в клубе горела одна-единственная керосиновая лампа – электричества в деревне не было), можно было на четвереньках, под прикрытием компаньона, проползти в зал мимо продающего билеты Алика. Главное – переждать где-нибудь под скамейкой до начала сеанса, а уж потом сидеть на полу с друзьями перед самым экраном и восхищаться увиденным.

Так Гошке повезло с первой серией американского боевика «Тарзан». Вот это «картина так картина». Мальчишки, восхищенные ловкостью, смелостью, находчивостью и необыкновенной силой героя фильма сразу же захотели быть похожими на него. В последующие после кино дни по всей деревне слышались гортанные крики «под Тарзана». Многие испытывали свою ловкость в лазании по деревьям, состязались в прыжках с водопада на речке, совершали

другие «подвиги». В очередной проезд Алика узнали, что снова будет «картина» про Тарзана. Продолжение. А всего, как сообщил Алик, будет аж шесть серий!

– Где взять такую кучу денег? – ужаснулся Гошка.

Как ни плакался он перед мамой-старой, яичка ему не досталось. До самого начала «картины» надеялся, что кто-нибудь из взрослых, как в прошлый раз, поможет ему проникнуть в зал. Без «складчины» никто не согласился. Начался сеанс. Гошка с такими же, как он, неудачниками, по очереди вставая на плечи друг другу, пытался хоть самую малость посмотреть кино в щелочку между штор на окне. Промучились до конца сеанса, так ничего не увидев. Единственное, что было доступно, это громкие крики Тарзана, рычание звериное, трубные призывы разъяренных слонов да выстрелы, доносившиеся сквозь окна клуба.

Целую неделю Гошка напряженно размышлял, как попасть на следующую серию. И придумал. В помещении клуба под сцену был небольшой лаз. Гошка сообразил, что пола там быть не должно. А что если снаружи подкоп под стеной проделать? Вечером с другом своим Венькой, взяв лопату и ведро, пришли осуществлять замысел. Поблизости – никого, клуб на замке. С обратной стороны здания за лето выросли заросли бурьяна. Здесь-то и решили друзья сделать подкоп. Их задачу неожиданно облегчила вырытая с весны отдушина для вентиляции пола. Проход быстро расширили, землю со всеми предосторожностями вынесли за ограду. Решили проверить сразу же, как можно проникнуть в зал клуба. Протиснулись в дыру и в крошечной темноте, полагаясь на

удачу, поползли в сторону сцены. Предположение оправдалось, вскоре друзья были в помещении клуба. Выбравшись наружу, замаскировали лаз лопухами. Договорились никого не посвящать в свою тайну.

– Теперь, когда захотим всегда будем «картины» смотреть, – заявил Гошка.

Накануне приезда кинопередвижки прошёл сильный дождь. Гошка днем, как бы случайно, прошел мимо лаза. Чуть подправил маскировку. Народу в кино собралось больше обычного. Даже взрослые, наслушавшись о чудесах, творимых Тарзаном, с нетерпением ожидали начала. Клуб открылся, у двери за столом при свете керосиновой лампы Алик продавал билеты и пропускал зрителей. Вот уже кто-то из его свиты завел двигатель. Вспыхнул прожектор кинопроектора. Пора! Но орава пацанов, не попавших в зал, мешала Гошке и его другу. Надо было отвлечь их внимание, не показать потайного лаза. Гошка громко крикнул:

– Венька, идём домой, чего здесь околачиваться.

Друзья вышли за ограду, убедились, что за ними никто не увязался и, пригнувшись, пробежали к лазу. Третью серию про ловкого Тарзана друзья смотрели с удвоенным ликованием: а чем они хуже героя фильма?

На следующий день в школе те, кому посчастливилось посмотреть «картину», вспоминали наиболее впечатляющие эпизоды. Друзья себя выдали тем, что проговорились. Пришлось поделиться тайной с самыми-самыми надёжными товарищами.

К очередному приезду Алика о лазе под клуб не знали разве только девчонки.

Когда началась четвёртая серия у

потайного лаза стояла длиннющая очередь, а около выхода из-под сцены «зайцев» поджидал сам Алик. Со злорадной ухмылкой по одному за ухо он препровождал злоумышленников до выхода и пинком вышвыривал их из клуба. Кто-то плакал от боли и обиды, кто-то крепился, чтобы не выглядеть нюней. Гошка потирал пострадавшее ухо, сопел, сидя на крылечке, но не плакал. Тарзан же никогда себе такого не позволял! Понимая бессмысленность надежды на что-либо, в крайнем расстройстве Гошка ушёл домой.

На следующий день после уроков он тщательно обследовал по периметру весь клуб. Вариант с подкопом повторить не удастся, потому что дыру под сценой Алик накрепко заколотил гвоздями. Гошка не мог смириться с мыслью, что ему не удастся больше увидеть любимого киногероя.

Вот если бы найти клад. Да где его в деревне найдешь? Много разных вариантов подсказывала гошкина фантазия, даже разбойничью шайку организовать. Но, поразмыслив, от разбоя пришлось отказаться: кого грабить-то, нет в деревне богатеев.

Когда привезли пятую серию Тарзана, Гошка поначалу даже не хотел близко к клубу подходить. Но ноги сами привели его туда к моменту приезда Алика. Как обычно, суетились у киноаппаратуры и движка пацаны. Двери клуба были открыты. И Гошку осенило! В углу сцены стоял стол, а рядом – прикрытая крышкой пустая бочка из под извести. Улучив момент. Гошка скользнул в дверной проем, подбежал к бочке. На раздумья времени не было, в любую минуту его могли застукать. Сдвинув крышку, нырнул вовнутрь и присел. Едва успел

задвинуть крышку, как услышал в пустом зале шаги – это прошел к киноаппаратуре Алик. Застрекотал киноаппарат, мелькнул яркий свет прожектора.

– Порядок! – услышал Гошка голос Алика.

Стрекот прекратился, замолкли шаги, входная дверь захлопнулась. Злоумышленник остался в пустом помещении один.

Часа три до начала сеанса Гошка маялся в одиночестве. Он ходил по сцене, в полумраке рассматривал киноаппаратуру, но всё время был начеку, прислушиваясь к звукам на улице. Как только на двери забряцал замок, Гошка был уже в бочке. Около часа просидел он в добровольном заточении. Ныли затекшие ноги, под крышкой было жарко и душно. Гошка терпел. Утешало, что он «картину» про Тарзана сегодня непременно посмотрит.

Вновь застрекотал киноаппарат, кино началось. Со всей предосторожностью Гошка, упершись головой в крышку, чуть приподнял ее. Почти весь экран было видно.

На экране творилось что-то невообразимое, Тарзан буквально перелетал с дерева на дерево, за ним бежала верная обезьянка Чита, стрельба, погоня, слоны, носороги... Зал от восторга взрывался криками. Гошка то ли от возбуждения, то ли от того, что ноги не выдержали напряжения в полусогнутом состоянии, выпрямился, крышка с грохотом упала на пол. Не прерывая сеанса, Алик через весь зал проследовал к бочке, со злом процедил: «Ах ты, паршивец!», больно взял мальчика за ухо одной рукой, другой приподнял тощенькое тельце Гошки и выпроводил его за дверь, напоследок наподдав пинка. Обливаясь слезами, молча, Гошка поплелся домой. Бабушка, увидев

его в известковой пыли, обомлела:

– Где тебя окаянного черти носят с самого обеда? Уроки не учил, не ужинал, совсем от рук отбился. Ты почему весь в известке-то? В чем завтра в школу-то пойдешь?

Гошка молчал, потупив голову. Бабушка заставила переодеться, усадила за стол, налила стакан молока и дала кусок ржаного хлеба. Гошка ел, причмокивая: он и вправду проголодался. Бабушка сидела напротив, с грустью приговаривая:

– Горюшко ты моё луковое. Ведь проголодался-то как. Где же ты был-то, Гошенька?

– На Тарзана ходил, – пробурчал Гошка.

– Дак ты же в прошлый и позапрошлый раз, я помню, на него ходил. Что всё время про одного и того же показывают?

– Мама-стара, как ты не понимаешь? Это же про разное серии, только Тарзан тот же.

– В известке-то почему весь вывозился?

– Да я в бочке прятался.

– От кого? – изумилась бабушка.

– От Тарзана, что ли?

– От Алика, киномеханика.

– А почему прятался-то? – допытывалась бабушка.

– Так я же без денег хотел посмотреть, – пояснил Гошка. И добавил:

– Ты же яичко не дала.

Бабушка сокрушенно покачала головой и, как бы в подтверждение своей догадки, спросила:

– А ухо-то почему красное?

Гошка молчал.

– Больше в кино я тебя не пуцу, даже не думай.

– А я всё равно убегу, – взвился Гошка.

– Там тебе ухо-то совсем оторвет этот изверг, – напомнила бабушка.

– А я всё равно пойду.

– Когда следующий, как его не-

ладного звать-то, Тарзан, что ли, будет? – горестно спросила бабушка. Не дождавшись ответа, вздохнула и, неожиданно для Гошки, пообещала:

– Дам я тебе яички на твоего Тарзана.

На последнюю серию Гошка пришел с деньгами. Взрослые пацаны, узнав, что у него есть деньги на билет, предлагали скооперироваться и сэкономить половину.

Гошка молча отверг все предложения.

Когда Алик стал продавать билеты, Гошка, дождавшись очереди, протянул ему деньги и с достоинством произнес:

– Мне один билет. – В глазах его и голосе было столько ненависти к киномеханику, что тот невольно долгим взглядом остановился на Гошке. Гошка этот взгляд выдержал.

Чёрное яблоко

На дворе мороз не шуточный. Под сорок. Последние дни декабря. Два предстоящих события волновали школьников: елка, с праздничным карнавалом вокруг нее и, конечно же, каникулы зимние. О том, что поздно вечером в школу привезли елку, не знали, может быть, только недотепы. Гошка наказал бабушке, чтобы она разбудила его завтра рано-рано. Утром, когда бабушка потемну еще только встала и зажгла керосиновую лампу, Гошка сразу соскочил с полатей, где он спал с младшими сестренками и братишкой.

– Мама стара, сколько часов уже?

– Часы одни, – пошутила бабушка, – а время только шесть утра. Ложись, поспи, рано еще вставать тебе.

Но Гошка уже одевался, сопя спросонья, натягивал штаны и рубашку.

– Мама стара, елку вчера привезли, надо пораньше идти.

– Да зачем в такую рань-то, Гошенька?

Но внук, едва ополоснув лицо из-под рукомойника, уже намеревался надевать фуфайку.

– Подожди, горе ты мое, выпей хоть стакан молока с хлебом.

Гошка торопливо съел ржаную горбушку и выпил молоко.

Бабушка поняла, что задерживать внука дальше бессмысленно, знала его упрямство. Завязала, не смотря на возражения, шапку под подбородком, проследила, чтобы валенки надел с онучами* для тепла, застегнула на все пуговицы фуфайчонку. Гошка от нетерпения не мог стоять на месте, умоляюще поскуливал:

– Мама стара, ну скорее, идти надо.

Бабушка ещё раз оглядела его, помогла перекинуть через плечо холщовую сумку, заставила надеть испотки** и открыла дверь со вздохом:

– Ох ты, горюшко мое луковое. Иди, да смотри, чтоб собаки не кусали.

Гошка уже не слышал бабушкиных наставлений, предвкушение встречи с елкой несло его чуть ли не по воздуху. Луна, в радужном от морозного воздуха обрамлении, удивленно смотрела на одиноко спешащего в такую рань по улице маленького человечка. Холод щипал нос и щеки, небольшой предутренний ветерок, хиус, усиливал злость мороза. Спасали испотки, связанные бабушкой деревянным крючком, он закрывал ими лицо.

Вот и школа. Снег у крылечка был усыпан хвоей – маленькими

елочными веточками. Гошка подобрал несколько штук, по прошлому году он помнил, что пахучие зеленые иголки очень пригодятся. Сегодня с утра начнется игра, в которой участвуют все ученики. Подходишь к любому и спрашиваешь:

– Ваша зелень!

Если нет веточки или хвоинок – подставляй лоб для щелчка. С этой целью и запасся Гошка веточками. И для себя, и для самых-самых друзей, если им не достанется «зелени».

В открытую Гошкой школьную дверь ворвался мороз клубами пара. Тетя Груня, техничка и истопник в одном лице, удивленно уставилась на мальчонку:

– Ты чего в такую рань заявился? Чего тебе дома не сиделось?

Но, увидев гошкин восторженный взгляд на лежащую посреди зала елку, всё поняла:

– Проходи, да не вздумай баловаться, а то выставлю на мороз, – добродушно проворчала тетя Груня. Не успел Гошка раздеться, как увидел, что в школу входит загадочный дружок Венька.

– Вот, еще один выделок огуречный заявился, – прокомментировала тетя Груня.

Венька солидно подал Гошке руку для приветствия, Гошка сразу же произнес:

– Ваша зелень!

На что друг вытащил из кармана елочную веточку. У друзей глаза светились радостью и ожиданием необыкновенных событий наступающего дня. А входные двери всё чаще запускали в клубы морозного воздуха ранних обитателей школы, где запах хвои оттаявшей за ночь елки возбуждал настроение ребятишек.

На уроке шушукались, перемигивались, с нетерпением ждали

перемены: слышно было, как в зале устанавливали елку. После звонка обступили поставленную в центре зала лесную красавицу, которую хотелось потрогать рукой; от нее исходил терпкий хвойный запах, мальчишки пошустрее норовили лечь под елку, попрыгать под ней, изображая диких лесных зверушек.

На следующем уроке учительница второго класса, где учился Гошка, Евгения Андреевна, объявила, что будут готовить украшения для елки. Девчонки принялись мастерить разноцветную бумажную мишуру, кто-то раскрашивал цветными карандашами тетрадные листочки, кто-то разрезал бумагу на аккуратные полоски, самые старательные склеивали цепь. Венька нарисовал танк и, высунув от усердия кончик языка, вырезал рисунок ножницами. Гошка тоже мастерил бумажный самолет.

Домой в этот день уходить не хотелось. Вместе со старшеклассниками наряжали елку. Свой самолет Гошка примостил, как ему казалось, на самом видном месте и любовался им. А Венька – своим танком. Не было, наверно, таких в школе, кто не приготовил бы в подарок лесной красавице своего украшения, оттого она всем казалась сказочно нарядной. Конечно, у старшеклассников поделки были и сложнее, и красивее. Каких только зверушек не было на ветках, а еще фонарики, домики, дворцы сказочные, гномики, чертенята... И, конечно, Кощей с бабою Ягой. Вдоль стен зала висели разноцветные гирлянды, бумажные цепи, флажки. Вокруг елки, под елкой, на вершине ее – всюду поселилась сказка.

Вечером при свете керосиновых ламп бал-маскарад состоялся. Без новогодних костюмов редко кто был.. Наряды готовили, конечно

же, задолго до наступления новогоднего праздника. Главное, чтобы маска лицо прикрывала. Не до богатых нарядов в начале пятидесятых было. Вот медведи в вывернутых наизнанку родительских полушубках, волки в подпоясанных веревками фуфайках, зайчики с длинными бумажными ушами и пришитыми к штанишкам коротенькими белыми хвостиками, у лисичек же они длинные рыжие. Разбойники с измазанными сажей физиономиями и деревянными пистолетами и ножками, разукрашенные той же сажей черти и бесы, марлевые снежинки и принцессы в картонных коронах и с покрашенными акварельными красками щечками, лешие и водяные с длинными бородами из конских хвостов. Шум, гам, веселый смех... Под елкой – одно за другим инсценированные представления. По классным комнатам различные аттракционы, где можно конфетку или игрушку выиграть, блеснуть ловкостью и умом.

Гошка после обязательной от второго класса инсценировки басни Крылова, где он был муравьем, быстренько преобразился в разбойника. Венька помог ему перевязать черной повязкой глаз, нарисовал сажей из печки усы, ею же обвел глаза. На поясе Гошки торчали два сделанных им самим деревянных пистолета и кривая сабля. Венька восхищенно смотрел на друга, сам он в костюме медведя был весь в поту, побегай-ка по натопленной школе в овчинном полушубке.

Друзья успели побывать почти на всех аттракционах: бегали наперегонки в мешках, с завязанными глазами срезали ножницами висающие на веревочках фантики, Веньке удалось даже конфетку выиграть, от

которой он дал откусить немножко и Гошке.

Но вот подошел к концу карнавал. И тут директор школы объявил, что колхоз впервые на новогодний праздник закупил подарки и сейчас их будут раздавать. С радостными криками ребята разбежались по своим классам.

Евгения Андреевна внесла в комнату большую коробку, поставила на стол, по очереди стала раздавать подарки. Гошка с Венькой в напряжении вытягивали шеи, – вдруг им не достанется. Но вот и они держат в руках заветные кулечки, сосредоточенно рассматривая их содержимое. Несколько пряников, конфеты «в бумажках», горошком и «в подушечку», мармеладки и темно-коричневое, почти черное... яблоко. Его аромат перебивал все

остальные запахи. На урок рисования учительница приносила как-то муляж яблока, оно было нарядно красным, блестящим. Это же – сморщенное. Объяснилось же всё просто: яблоки померзли пока их доставили в сибирскую глубинку. Дома Гошка угостил всех конфетами, яблоко аккуратно поделил поровну (правда, его кусочек оказался чуть побольше). Гошка откусывал от него маленькими дольками и не сразу проглатывал, держал во рту, наслаждаясь необыкновенным ароматом и вкусом. Это было первое в его жизни яблоко. Самое вкусное!

* Онучи – то же, что и портянки.

** Испотки (уст. и обл.) – так в некоторых районах южной Сибири vareжки, сверху обшитые плотной тканью.